[50] Там же. С. 465.
[51] *Ницше Ф.* Соч. Т. 2. С. 701.
[52] Там же. С. 241.
[53] *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. С. 463.
[54] *Ясперс К.* Ницше и христианство. С. 11.
[55] *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше. С. 150.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ПУСТАРНАКОВА (5 мая 1934 – 6 февраля 2001)

Публикуемая статья безвременно ушедшего замечательного ученого, доктора философских наук, историка философии Владимира Федоровича Пустарнакова – начало задуманного им фундаментального труда "Русско-французские философские связи", труда, занимавшего его в последние месяцы жизни. Как всегда и во всем, над чем бы Владимир Федорович ни работал, и здесь – та же основательность и скрупулезность исследователя, тщательное сопоставление фактов и мнений. Примечательно, что тема последних научных изысканий В.Ф. Пустарнакова совпала с его ранними научными интересами времен студенчества в МГИМО, а именно проблемы западноевропейской истории. Прекрасное знание этой проблемы повлияло на формирование его взглядов и убеждений как ученого-западника в традиционном и прекрасном смысле этого слова.

Прерванная в самом начале работа должна была стать новым достижением в историко-философской науке, свидетельством высочайшей философской эрудиции, научной бескомпромиссности и фантастической работоспособности Владимира Федоровича, известной всем, кто его знал. Публикуемая статья – это та канва, по которой предполагалось вышить прихотливый узор русско-французских философских связей. Это – только предыстория, по сути – краткий очерк дипломатических отношений между Россией и Францией X–XVII вв., тогда еще столь редких и бесплодных, что невозможно представить франкоговорящую Россию XIX в. и русский Париж века XX. Тем не менее с отсутствия всяких связей Владимир Федорович намеревался выстроить то, без чего невозможно представить существо русской мысли второй половины XVIII–XIX в. Вероятно, главным образом речь пошла бы о влиянии, о французском влиянии на формирование и направление развития русской философии, а в какой-то степени и культуры.

Вот что Владимир Федорович предполагал отметить во Введении: «Учитывая то обстоятельство, что в историографии было весь-

ма распространено расширительное представление о понятии "влияние" (так, идейным источником того или иного русского мыслителя нередко считается весь круг его чтения), мы старались придать понятию "влияние" более строгий смысл, имея в виду полное или частичное одобрение русским мыслителем той или иной идеи французского автора, ее заимствование, т.е. ее включение в том или ином объеме в их мировоззрение, с учетом того, какие идеи при этом не принимались, отвергались. Привлекательно, например, звучит утверждение, что "одним из идейных источников мировоззрения Мордвинова является просветительская традиция XVIII в. Еще в молодые годы Мордвинов читал произведения Вольтера, Монтескье, Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Дидро" (История философии в СССР: В 5 т. М., 1968–1988. Т. 2. С. 158). Но проблема заключается в том, чтобы определить, а что дало такое чтение, какие просветительские идеи Мордвинов усвоил, превратил "чужое" в "свое".

Можно взять более явный пример. Бесспорно, русские масоны читали, изучали сочинения французских просветителей XVIII в. Но они это делали для того, чтобы полемизировать с ними, обличать их, ничего не заимствуя, все отвергая.

Конечно, уже сам факт перевода того или иного французского автора имел значение. В своей совокупности переводные сочинения характеризовали важную сторону идейной и культурной жизни страны. Есть статистические данные о том, сколько было переводной французской литературы в те или иные десятилетия XVIII в. по сравнению с переводами с немецкого или английского. Эти данные, конечно, ориентируют в общей ситуации. Но, думается, что между количествами переводной философской литературы и объемом ее влияния на русских мыслителей прямо пропорциональной связи не было. Во второй половине XVIII в. в России переводов с французского было гораздо больше, чем с немецкого. Но в сфере теоретической философии, как мы убедимся, немецкое влияние было гораздо более сильным, чем французское. К тому же следует учитывать, что русские мыслители опирались не только и не столько на переводную литературу, сколько на книги на языке оригинала».

Владимир Федорович был азартен в работе, иначе откуда бы брались силы ежедневно с 9 утра быть на своем излюбленном месте в библиотеке. В своих поисках он шел, не оставляя прорех, просматривая труды и преподавателей, и кабинетных ученых, и публицистов, и деятелей культуры. Занимаясь проблемой философских связей, Владимир Федорович приговаривал, бывало, что ему очень интересно узнать, что же остается в "сухом остатке". При этом он исходил из убеждения, что любое влияние на русскую мысль в переплаве российских реалий дает оригинальную русскую философию. То самое "превращение чужого в свое".

За 2001 г. к печати были подготовлены две монографии Владимира Федоровича: "Философия Просвещения в России и во Фран-

ции: опыт сравнительного анализа" (19 а.л.) и "Университетская философия в России: основные центры, персоналии, идеи, место в культуре" (53 а.л.) – то, что он успел закончить. С публикацией этой небольшой работы Владимира Федоровича Пустарнакова мы прощаемся с замечательным человеком, большим ученым, нашим другом, товарищем, коллегой.

Ирина Худушина

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.Ф. ПУСТАРНАКОВЕ

Владимир Федорович Пустарнаков пришел в Институт философии, не имея ни специального философского образования, ни опыта работы с философскими текстами. И то и другое ему пришлось приобретать уже в Институте большим, напряженным трудом. Мне не очень нравится широко вошедшее сейчас в обиход слово "трудоголик", но по смыслу своему оно вполне может быть применено к Владимиру Федоровичу. Он трудился много, напряженно, упорно, целиком отдаваясь работе, живя ею. Я работала рядом с ним немалое время и видела этот его большой и упорный труд – и в монографии «"Капитал" К. Маркса и философская мысль в России» (я была ее ответственным редактором), и в пятитомной "Истории философии в СССР", и в книге "Философия Шеллинга в России".

Книгу "Философия Шеллинга в России" мне хочется упомянуть здесь особо, как наглядный пример огромной работы Владимира Федоровича. Он был не только ее редактором, но и автором большого ее раздела – «Основные вехи истории и особенности развития российского шеллинговедения и истории "русского шеллингианства"». В разделе этом Владимир Федорович стремился представить историю русского шеллинговедения в XIX в. с максимально возможной в рамках данной книги полнотой, не упуская ни одного сколько-нибудь существенного и характерного явления в истории идей философии Шеллинга в России. Для выполнения этой задачи ему пришлось исследовать массу разнообразных материалов – от монографий до журнальных публикаций. Помню, как покойный Захар Абрамович Каменский – известный исследователь истории русского шеллингианства – говорил, что нельзя не восхищаться проделанной Владимиром Федоровичем огромной работой.

Стремление к возможно более полному изучению фактического материала, оказавшееся и в данной работе, и в других работах Владимира Федоровича, не было для него самоцелью. Скорее оно было следствием ряда характерных для него, как историка русской

философии, установок. Вот о некоторых из этих установок – так, как я почувствовала и поняла их за годы совместной с Владимиром Федоровичем работы, – мне и хочется сейчас напомнить.

Однажды я рассказала Владимиру Федоровичу о том, как когда-то (в начале 30-х годов) в одном из киевских вузов преподаватель истории разъяснял студентам метод ее изучения. Историю, говорил он, нужно изучать "как следует". "Мы с вами сначала посмотрим "як воно було", а потом – "с марксистского боку". Владимиру Федоровичу понравился мой рассказ, и я слышала, как он не раз повторял при случае, что нужно видеть "як воно було". И это не было для него случайным. Он понимал, что советские философы, в том числе и историки русской философии, слишком часто смотрели на историю "с боку", причем "с боку" даже не марксистских основоположений, а последних по времени партийных лозунгов и постановлений. Такому подходу к истории он сознательно и последовательно противопоставлял ориентацию на факты, на "як воно було".

Даря мне свою книгу «"Капитал" К. Маркса и философская мысль в России», Владимир Федорович сказал о поиске "своего честного, хотелось бы верить, пути в науку". В нашей работе путь этот начинается, как мне кажется, с честного обращения с изучаемым текстом, с уважения к слову мыслителя, которого мы хотим понять и оценить. К сожалению, наши историки русской философии далеко не всегда выполняли это элементарное, но совершенно необходимое требование научного исследования. Произвольное обращение с текстами русских мыслителей стало особенно бросаться в глаза во время так называемой борьбы против космополитизма: цитировались и анализировались одни высказывания мыслителя и замалчивались другие, цитаты давались в произвольно усеченном виде, и т.д. Подобное обращение с текстами всегда встречало у Владимира Федоровича резкий отпор.

С ориентацией на "як воно було" связана и еще одна – несомненно положительная – черта Владимира Федоровича как историка русской философии – отрицание "конъюнктурного" подхода к наследию прошлого. Он никогда не "приспосабливал" идеи мыслителей прошлого к задачам сегодняшнего дня и не поддавался влиянию "модных" философских веяний. Эта черта его очень ясно проявилась в 90-е годы. Его не затронуло увлечение русской религиозной философией, которое можно считать характерной чертой этого времени, когда вдруг оказалось, что среди наших философов немалое число ревнителей православия. Он упорно и последовательно выступал – и в печати, и устно – против стремления представить "настоящей", "национальной" русской философией только религиозную философию типа славянофильской философии. Я как-то спросила его: "Может быть, и вы теперь поверили в Бога?" Он ответил мне: "Нет, у меня на этот счет крепкая закалка". И действительно, он оставался убежденным атеистом и критиком

идеализированных представлений о русской православной церкви и ее истории.

Не могу не сказать и о твердой принципиальной позиции Владимира Федоровича в вопросе об отношении русской философии к философии западной. Он был стойким противником "почвенной", антизападнической идеологии, которую он называл "националбольшевистской". Во вступительной статье к книге "Философия Шеллинга в России" он с тревогой писал о том, что в наши дни стала отчетливо заметна "реставрация этой идеологии, с которой генетически связаны современные феномены антизападничества, откровенного национализма и даже махрового шовинизма". Проявлением этой идеологии (не всегда обнаруживающей себя прямо и откровенно) была в его глазах тенденция к противопоставлению русской философии западной. В противоположность представителям этой тенденции он был убежден, что история русской философии должна рассматриваться "в широком контексте европейской философии, в тесной связи с ней". Книгу "Философия Шеллинга в России" он рассматривал как "скромный вклад в решение исключительно актуальной в настоящее время общей проблемы взаимосвязей и взаимовлияний философских культур различных стран и народов, в том числе взаимосвязей и взаимовлияний немецкой и русской философии".

Убежденность Владимира Федоровича в правильности его решения тех или иных проблем истории русской философии, последовательность его в защите своих позиций, зачастую даже резкость в философских спорах могли создать впечатление, что он нетерпимо относится к "инакомыслящим". На самом деле он был далек от такой нетерпимости. Напротив, отстаивание своей позиции сочеталось у него с признанием возможности иных взглядов, точек зрения на те или иные проблемы, с уважением права каждого на собственное мнение. Свою редакторскую работу он сознательно сводил к минимальному вмешательству в текст автора. В связи с работой над книгой "Философия Шеллинга в России" он говорил мне, что его "идеалом" как редактора является публикация авторского текста в его первозданном, нетронутом виде. Здесь я не могла с ним полностью согласиться. Конечно, все мы, к сожалению, слишком хорошо знакомы с сатирически изображенным Твардовским типом редактора, который "...То убавит, то прибавит, / То свое словечко вставит, / То чужое зачеркнет, / То его отметит птичкой / Сам себе и Глав и Лит, / То возьмет его в кавычки, / То опять же оголит". Но настоящий научный редактор должен отличаться от такого редактора "с того света". Он может быть серьезным помощником автору во многих отношениях. Я убеждена, что если бы Владимир Федорович как редактор книги о Шеллинге в России оказался бы требовательнее к авторам и больше работал с ними, книга бы от этого только выиграла.

Владимир Федорович очень хорошо понимал и остро чувствовал слабые стороны узкой специализации в нашей работе. История философии интересовала его как многообразный процесс со своими внутренними связями и закономерностями. Он стремился быть исследователем широкого диапазона.

Мы не были с Владимиром Федоровичем друзьями – уже большая разница в возрасте неизбежно разделяла нас. Но было и то, что нас сближало. Было много точек соприкосновения во взглядах и на проблемы нашей профессии, и на нашу текущую жизнь. Была определенная степень взаимопонимания, было взаимное уважение. Мы были настоящими товарищами в общем деле. И утрата такого товарища чувствуется остро и горько.

З. Смирнова

ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

В.Ф. Пустарнаков

О русско-французских политико-дипломатических, экономических, культурных связях в отечественной историографии накопилась значительная литература. Гораздо беднее литература по истории русско-французских философских связей. По отдельным персоналиям и проблемам высказывались авторы обобщающих трудов по истории русской философии (М. Филиппов, Э. Радлов, Г. Шпет, Б. Яковенко, В. Зеньковский, Н. Лосский, А. Галактионов и П. Никандров, авторы шеститомной "Истории философии", коллективного труда "История философии в СССР", многие авторы монографий и статей, посвященных русской и французской философии).

В современной отечественной историографии изучение темы русско-французских философских связей продвинулось вперед, но не намного. В 70–80-х годах защищено несколько историко-философских диссертаций (Н.В. Антохина, А.М. Чабан, А.А. Златопольская – все три на тему русская мысль и французское Просвещение); Н.В. Полякова о влиянии Де-Местра на политическую философию русского консерватизма. В книге Г.П. Матвиевской о Декарте есть раздел о русской декартиане; на конференциях 1996 г., посвященных 400-летию со дня рождения Декарта, о русской декартиане говорили Г.Г. Судьин и А.И. Володин; в Академии государственной службы прошел симпозиум, посвященный Конту. Но сколько-нибудь цельную и убедительную картину русско-французских философских связей по имеющейся литературе создать нельзя. По сути дела в ней затрагиваются лишь отдельные аспекты этих связей.